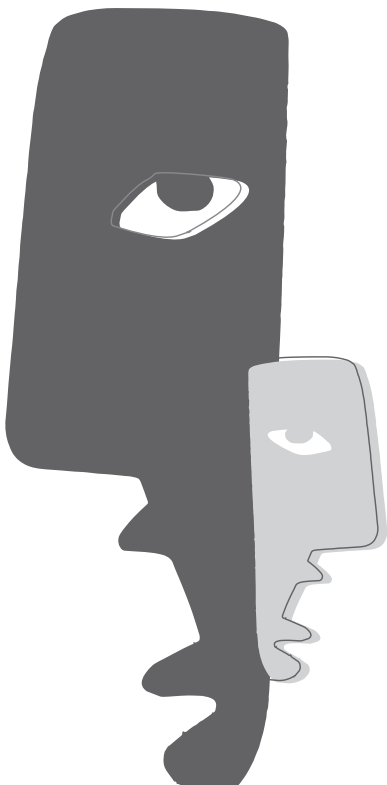

Афоризмы,
анекдоты,
эссе,
рассказы,
пародии

СКЕЛЕТ В ШКАФУ

*Английская
комическая
проза
XVII—XX веков*

*Составление,
перевод,
вступительная
статья,
комментарии
Александра
Ливерганта*

Москва 2020

УДК 821.111-7(420)

ББК 84(4Вел)7

С42

Художник

Валерий Калныньш

Иллюстрации

Капыч

- С42 Скелет в шкафу : Английская комическая проза XVII—XX веков / Составление, перевод, вступительная статья, комментарии Александра Ливерганта. — М. : Время, 2020. — 720 с. : ил.

ISBN 978-5-9691-1891-1

В книге представлены наиболее известные авторы и произведения английской литературы смеха за последние 400 лет, от Свифта до юмористов и сатириков конца XX века. А также все многообразие юмористических жанров: юмористические и сатирические рассказы, очерки, эссе, а также пародии, стилизации, театральные бурлески, афоризмы и т. д.

ББК 84(4Вел)7

ISBN: 978-5-9691-1891-1

© А. Я. Ливергант, составление,
перевод, вступительная статья,
комментарии, 2020
© «Время», 2020

Свобода духа

Словосочетание «английский юмор» — почти тавтология. С детства два эти слова, объединяющие национальную принадлежность, способ мышления и литературную разновидность, для нас столь же естественны, привычны и нерасторжимы, как «немецкий порядок», «французское легкомыслие» или «испанская горячность». Вместе с тем английский юмор далеко не всегда так уж смешон. Полистайте подшивку английского юмористического журнала «Панч» и вы в этом убедитесь. Беседуют, к примеру, два ангела, один в очках, другой — без. Тот, кто без очков, говорит тому, кто в очках: «Не понимаю, почему вы не носите контактные линзы!» А вот еще один, тоже чисто английский диалог — на этот раз двух мышей. Первая, опытная, показывает второй на мышеловку с куском сыра и глубокомысленно замечает: «Будьте осторожны — тут что-то не то». Британец пошутит, а мы и не заметим, он словно бы стыдится собственного смеха, смеется уголком рта, чему-то своему, без нашей или американской непосредственности, заразительности. «Какой-то у тебя юмор английский», — говорим мы собеседнику, когда не вполне понимаем, что в его словах смешного.

Наверное, лучше всего английский характер и его производная — английский юмор — определяются английским же словом *understatement*: сдержанностью, недосказанностью, подтекстом, о чем писал в своей книжке «Как быть иностранцем», этом, ставшем теперь классическим, «путеводителе» по английским, довольно своеобразным, обычаям и нравам, английский юморист, венгр по происхождению, Джордж Микеш: «У иностранцев есть душа. У англичан вместо души — подтекст». Впервые, однако, с английским «андерстейтментом» мы столкнулись не у англо-венгра Микеша, а у нашего Пушкина. В «Пиковой даме» падение Германна и обморок Лизаветы Ивановны на похоронах старой графини потряс всех присутствующих. Кроме англичанина, который, услышав, кем приходится Германн покойнице, вмещает все свои эмоции — или их отсутствие — в единственный звук: «Oh?» В дальнейшем, правда, нашу веру в британское умение «властвовать собой» поколебали и Гончаров во «Фрегате “Паллада”», и Герцен в «Былом и думах», и Замятин, знавшие про английский национальный характер не понаслышке. И — уже в наши дни — леденящие кровь газетные сообщения о буйстве английских футбольных болельщиков. Ныне миф об английской сдержанности и незэмоциональности развеян окончательно, однако в теории, на бумаге — в учебниках английского языка и туристических справочниках — он сохраняется, упрямо продолжает жить.

Вот и английский юмор, при более близком знакомстве с ним, не ограничивается метким замечанием, ядовитой усмешкой, умением с помощью иронического снижения (знаменитый английский *anticlimax*, к климаксу, впрочем, отношения не имеющий) осадить собеседника, понизить градус интеллектуальной полемики или бытовой перебранки. В реальности английский юмор далеко не всегда так сдержан и неуловим, как принято думать. Между чопорным джентльменом из учебника английского языка, который реагирует

на нескончаемую болтовню собеседника язвительнейшими и плохо поддающимся переводу «Did you really?», «Sure enough» или «He was, wasn't he?», и каким-нибудь развеселым, неугомонным Дулиттлом (не из пьесы Шоу, разумеется, а из мюзикла «Моя прекрасная леди»), отпускающим неприличные шуточки в местном пабе, — дистанция огромного размера. Примерно такая же, как между добродушным, эмоциональным, обстоятельным юмором Диккенса и Джерома и тонкой, едкой, строго дозированной иронией Джейн Остен, «английского О. Генри» Гектора Хью Манро или Энгуса Уилсона, автора не только «проблемных» романов и новелл, но и очень смешной книжки юмористических рассказов и пародий с устрашающим, обыгрывающим знаменитое высказывание Джона Донна (и заглавие романа Хемингуэя) названием «По ком стучит заступ». Как между простодушным, незлобивым юмором Джерома и Патрика Кэмпбелла и гротеском «черных юмористов»: Джона Кольера, чьи «Причуды на сон грядущий» отбивают сон даже у самого бестрепетного читателя, Роалда Дала, владевшего высоким искусством пугать взрослых и смешить детей, или Гарольда Пинтера, умеющего даже в таких, казалось бы, легкомысленных, развлекательных театральных сценках, как «Остановка по требованию» и «Соискатель», создать у зрителя и читателя настроение полной безысходности.

Талант, в том числе и комический, не укладывается в схемы — вот почему все наши рассуждения об особенностях национального юмора к лучшим представителям этого жанра применимы с большой натяжкой. В литературной истории, особенно такой, как английская, искусство комического (вспомним пушкинское: «страна карикатуры и пародии») необычайно многолико. Это и литературный анекдот, где классики подтрунивают — нередко довольно натужно — друг над другом, и идущая от Свифта сатира-иносказание, самым талантливым образчиком которой в XX веке, бесспорно, яв-

ляется еще недавно крамольный «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Это и трагифарс в исполнении Ивлина Во, и гротески Флэнна О'Брайена, писателя и журналиста, отличавшегося типично ирландским — трагикомическим — видением мира. Это и комедия положений, где и сегодня бессменным лидером является самый, пожалуй, плодовитый и востребованный юморист двадцатого столетия Пелам Гренвилл Вудхаус, который, написав без малого сто книг, создал незабываемые образы слуги-интеллектуала Дживса, повесы Берти Вустера, незадачливого детектива Маллинера, газетчика Псмита и проходимца и вымогателя Стэнли Акриджа, мгновенно и надолго завоевал, пусть и с опозданием на полвека, российский книжный рынок. Это и ироническое эссе, которое сочиняли почти все крупные английские писатели двадцатого столетия: Бернард Шоу, Г. К. Честертон, Сомерсет Моэм, Дж. Б. Пристли, Олдос Хаксли, и литературная пародия, стилизация, бурлеск. Пародии отдали должное такие корифеи иронии и юмора, как Джейн Остен, которой удалось, несмотря на совсем еще юный возраст, едко и со вкусом высмеять в «Любви и дружбе» штампы сентиментально-любовной литературы конца XVIII века, как Стивен Ликок, Макс Бирбом, высмеявший в «Рождественской гирлянде» практически всех крупнейших англоязычных писателей своего времени, а также Джон Коллингс Сквайр, Дж. Б. Мортон и Морис Бэринг — поэт, лингвист, дипломат, переводчик (в том числе и Пушкина) и юморист, специализировавшийся на так называемом пародийном дописывании: в «Дочери короля Лира» и в «Репетиции “Макбета”». Бэринг, перечитывая классику, переносит читателя из времен британской «старины глубокой» в атмосферу зощенковских коммунальных квартир.

Отметим, к слову, что литературная пародия — самый, пожалуй, заметный, наиболее широко представленный комический жанр в нашей книге. Для того, чтобы за пародией рассмотреть пародируемое,

Свобода духа

посмеяться вместе с Остен, Бирбомом, Беккетом, Муртоном, Бэрингом, от читателя, помимо вкуса и чувства юмора, потребуется и немалая литературная эрудиция. Наш современник Майкл Бирсфорд Кингтон, юморист, джазист, популярный телекомментатор, работавший в 70-е годы в «Панче», в своей «перекрестной» пародии «Дело датского принца» ухитрился одним ударом расправиться сразу с двумя классиками: Шекспиром и Конан Дойлом.

И все-таки даже у таких непохожих писателей, как известный в свое время литературный хулиган ирландец Брендан Биэн, любивший «практические» шутки в жизни и довольно изысканные — в литературе, и признанный мэтр англоязычной юмористики Стивен Ликок, занимавшийся юмором не только на практике, но и в теории; у таких разностильных и разновеликих мастеров, как столп модернистской литературы Джеймс Джойс, профессионал от юмора Дж. Б. Муртон, ежедневно, на протяжении сорока лет, изобретательно шутивший на страницах «Дейли Экспресс» под псевдонимом «Лицо без определенных занятий», как Морис Бэринг, для которого юмор был скорее увлечением, чем профессией, — несомненно, есть что-то общее.

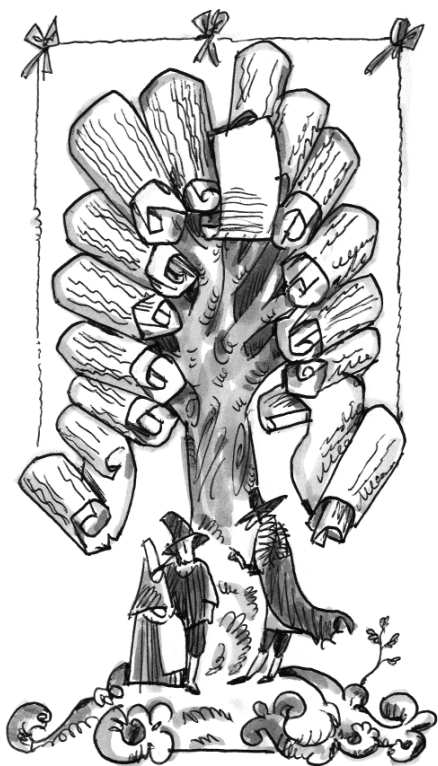
Авторов антологии английской комической прозы «Скелет в шкафу», от самого молодого — Майкла Кингтона, до самых почтенных — Свифта, Филдинга, Голдсмита, Джейн Остен, Диккенса, Макса Бирбома или Джона Коллингса Сквайра, с одинаковой легкостью подражавшего Китсу, Уайльду, Шоу и сенсационной журналистике, до мастеров доходчивого, общедоступного юмора П. Г. Вудхауса, Нэтта Габбинза и Патрика Кэмпбелла, — роднит вовсе не легендарный британский «андерстейтмент».

Во все времена британских писателей, вне зависимости от их мировоззрения, таланта, сферы литературных интересов и жанрового своеобразия, объединяла свобода самовыражения, литератур-

ная раскрепощенность, принадлежность к литературному процессу, в котором пародия, стилизация, ирония, подтекст, сатирическое иносказание — дань давней и прославленной традиции, а не стремление любым способом скрыть творческое своеволие, «протащить» запретную тему. Представителей английской литературы смеха — британцев, ирландцев, канадцев, австралийцев — объединяет завидная уверенность в том, что любой юмор — понятный и не очень, сдержанный, заразительный, простодушный, отточенный — дойдет до читателя без посредника, не будет в поисках крамолы, литературного саботажа тщательно просеян сквозь цензурное сито.

Не является ли эта уверенность проявлением той самой свободы духа, о которой с таким вдохновением, рассуждая об отличии русского и английского литературного сознания, писал в постскриптуме к русскому изданию «Лолиты» Владимир Набоков? Свободы духа, которой, несмотря на отмену цензуры, на долгожданную возможность печатать «1984» Оруэлла и «Собачье сердце» Булгакова, «Последнюю ленту Краппа» Беккета, «Заводной апельсин» Бёрджесса и «Зияющие высоты» Зиновьева, нам до сих пор так не хватает.

Английский литературный анекдот

Уильям Шекспир. Однажды, когда Бербедж играл Ричарда III, одной вдовушке актер так полюбился, что она по окончании спектакля пригласила его прийти к ней в тот же вечер в костюме Ричарда. Услышав их разговор, Шекспир отправился к вдове раньше Бербеджа и с ней развлекся; когда же слуга объявил, что явился Ричард III, Шекспир заметил: «Вильгельм Завоеватель был раньше Ричарда III».

Джон Драйден. Драйден сам про себя говорил, что нрава он невеселого и особым чувством юмора не отличается. Тем не менее одна из его *bon mots* сохранилась. Поэт не особенно ладил со своей супругой леди Элизабет, на ней, если верить досужим сплетням того времени, его вынудил жениться один из ее братьев. Однажды леди Элизабет, на которую уединившийся в своем кабинете бард не обращал никакого внимания, не выдержала.

— Бог мой, Драйден, — воскликнула она, — сколько можно корпеть над этими пыльными фолиантами?! Жаль, что я не книга — тогда бы вы, может быть, уделяли мне больше внимания.

— Дорогая, — отвечал Драйден, — если вам так уж хочется быть книгой, будьте альманахом — тогда бы я менял вас каждый год.

Даниэль Дефо. Лет восемьдесят назад в деревне к западу от Труро, никак не меньше чем в пяти милях от приходской церкви, негде было помолиться. Здесь не было не только храма, но даже священных книг, если не считать молитвенника, стоявшего на полке в деревенском трактире рядом со знаменитой историей Робинзона Крузо. Однажды летом, испугавшись внезапно разразившейся сильной грозы, жители деревни сбежались в местный паб и попадали на колени. Молитву должен был читать отданный хозяйке в услужение молодой парень по имени Джек. В спешке вместо молитвенника схватил он с полки «Робинзона» и, опустившись на колени, стал, запинаясь и торопясь, читать из него. Наконец, когда он произнес имя Пятницы, хозяйка, сообразив, что произошло, закричала:

— Да ты не ту книгу взял, Джек! Ты молишься по «Робинзону Крузо».

Джек, однако, воспринял ее слова как оскорбление и как ни в чем не бывало продолжал читать, заявив, что «Робинзон Крузо» способен остановить гром и молнию ничуть не хуже молитвенника.

Мистер Тони, почтенный олдермен из Оксфорда, так любил «Робинзона Крузо», что перечитывал роман Дефо каждый год, полагая, что все написанное в этой книге — чистая правда. На его беду, один приятель как-то объяс-

нил ему, что вымысла здесь куда больше, чем правды, и что история шотландского моряка Александра Селкерка, оказавшегося в результате кораблекрушения на необитаемом острове Хуан-Фернандес, сочинителем Даниэлем Дефо сильно приукрашена.

— Быть может, вы и сказали правду, — заметил олдермен, — но лучше б я ее не знал, ибо, раскрыв мне глаза на то, как обстояло дело, вы лишили меня одного из самых больших удовольствий преклонных лет.

Джонатан Свифт. Александр Поуп рассказывает:

— Как-то вечером мы с Геем решили навестить Свифта — вы же знаете, как мы были близки с ним. Декан встретил нас весьма сухо:

— Чем обязан, джентльмены? Что это вы вдруг решили променять знатных господ на бедного церковного настоятеля?

— Просто мы предпочитаем их обществу ваше.

— Если бы я не знал вас так хорошо, то, быть может, вашим словам и поверил. Что ж, коли пришли, прошу разделить со мной скромную мою трапезу.

— Благодарствуйте, — отвечал я, — но мы только что отужинали.

— Отужинали?! Но ведь еще нет восьми!

— И тем не менее.

— Странно, очень странно. В таком случае я ваш должник. Предположим, я угостил бы вас омарами. Скажем, по цене в два шиллинга. Пирог — кладите шиллинг. Надеюсь, что, хоть вы и ужинали сегодня раньше времени, чтобы разорить меня, вы сообразовали распить со мной бутылку вина?

— Увольте, мы пришли не пить, а разговаривать с вами.

— В таком случае считаем и вино — оно обошлось бы мне никак не меньше чем в два шиллинга. Два да два — четыре, да один — всего пять шиллингов. Вот, Поуп, ваши полкроны. А это — ваши, Гей. Должен же я, в самом деле, хоть как-то восполнить своим друзьям отсутствие доброго ужина, не так ли?

Однажды, когда настоятель собора Святого Патрика был в отъезде, а Стелла жила в доме его друга, человека славного, благородного и весьма гостеприимного, к нему приехал обедать один джентльмен, которому история отношений настоятеля и Стеллы была неизвестна. Поскольку в те дни только и было разговоров что о поэме Свифта «Каденус и Ванесса», гость заметил:

— Должно быть, Ванесса удивительная женщина, раз мистер Свифт сочинил о ней столь замечательную поэму.

Миссис Джонсон улыбнулась и ответила, что она в этом не убеждена, ведь хорошо известно, что Джонатан Свифт прекрасно пишет даже о метле.

Однажды, совершая прогулку из Лондона в Честер, настоятель Свифт, прячась от грозы, стоял на дороге под раскидистым дубом неподалеку от Личфилда. Тут к нему присоединились мужчина и беременная женщина, также застигнутые грозой. Выяснилось, что молодые люди направлялись в Личфилдскую церковь, где их должны были обвенчать. Поскольку женщина была на сносях и нельзя было терять ни минуты, настоятель предложил молодым

людям, что обручит их прямо здесь, под деревом. Предложение было с благодарностью принято, обряд бракосочетания совершен, и, когда небо прояснилось, молодые люди уже собрались было пуститься в обратный путь, но тут жених вдруг вспомнил, что без письменного свидетельства брак их недействителен. Вот что написал ему настоятель Свифт:

В листе укрывшись в дождь и ветер,
Мошенника и шлюху встретил.
Теперь их может развести
Лишь Тот, кто знает все и вси.

Александр Поп. «Кто этот Поуп, о котором столько разговоров? — осведомился однажды Георг II. — Не могу взять в толк, чем он хорош. И почему мои подданные не пишут прозой? Я часто слышу и о Шекспире, но его я читать и во все не в состоянии — очень уж мудрено изъясняется».

Сэмюэль Ричардсон. Отрывки из «Памелы» поначалу печатались во многих газетах, в том числе и в Престоне, в Ланкашире, где тогда жила моя тетушка. Однажды утром, подойдя к окну, тетушка увидела, что на колокольне развевается флаг, и услышала звон колоколов. Служанка, которую она вызвала, чтобы узнать, что происходит, влетела в комнату, сияя от счастья, и прямо с порога закричала:

— Разве вы не знаете, сударыня?! Бедняжка Памела наконец-то вышла замуж — об этом в утренней газете сказано!

Однажды, когда миссис Барболд ехала в почтовой карете в Хэмпстед, она разговорилась с сидящим рядом французом. Оказалось, тот специально отправился на экскурсию в Хэмпстед, чтобы «собственными глазами» увидеть дом на Флакс-Уоке, где жила Кларисса Гарлоу. Каков комплимент гению Ричардсона!

Генри Филдинг. При жизни Филдингу так и не довелось позировать Хогарту. Знаменитый художник написал его портрет по памяти и, несмотря на это, добился поразительного сходства. Рассказывают, что Хогарт обязан своим успехом Гаррику, который нежданно явился к художнику, на удивление точно копируя походку и манеры великого романиста.

Услышав, что его друг удручен, ибо погряз в долгах, Филдинг искренне удивился:

— Эка невидаль! Как бы я был счастлив, если б мой долг составил жалкие пятьсот фунтов!

Сэмюэль Джонсон. По словам миссис Дигби, ей и ее сестре миссис Брук, когда они жили в Лондоне, часто оказывал честь своими визитами доктор Джонсон. Однажды он посетил их вскоре после выхода в свет своего бессмертного словаря. Обе дамы всячески словарь расхваливали и среди прочего остались довольны тем, что в нем напроць отсутствуют неприличные слова.

— Ага! Так, стало быть, вы их искали, мои дорогие! — вскричал моралист.

Одна весьма достойная юная дама была свидетельницей того, как принимали доктора Джонсона в литературном салоне покойной миссис Монтегю.

Не успел наш литературный колосс войти в залу, как он был немедленно окружен несколькими юными дамами, которые взирали на него так, словно он был каким-то чудовищем из африканских пустынь.

— Не бойтесь, сударыни, — успокоил их доктор Джонсон. — Я приручен. Вы можете даже меня погладить.

На обедах у адмирала Уолсингэма собирались такие разные люди, как герцог Камберлендский, доктор Джонсон, глазной врач мистер Нэрн, оперный певец мистер Леони. Однажды присутствовавший на обеде молодой, задиристый офицер заявил, что берется проучить старого медведя, перед которым все испытывают священный страх. За едой Джонсон был глух к дерзостям молодого человека, однако затем, когда тот сказал: «Держитесь веселей, доктор Джонсон, не отмалчивайтесь, скажите-ка нам, что бы вы дали, чтобы стать таким же молодым и энергичным, как я?» — отпарировал: «Я, пожалуй, чтобы не отстать от вас, отдал бы свой ум».

Лоренс Стерн. Вскоре после того, как «Тристрам Шенди» увидел свет, Стерн спросил одну знатную даму, читала ли она его книгу.

— Нет, мистер Стерн, не читала. Мне, если хотите всей правды, очень не советовали за нее братья. Говорят, она чудовищно непристойна.

— Помилуйте, — отвечал автор «Тристрама», — вы меня удивляете. Взгляните хотя бы на вашего младенца. (Тот в это время голышом катался по ковру.) Ему ведь случается показывать миру то, что принято скрывать, но разве его поведение назовешь непристойным?

Оливер Голдсмит. Голдсмиту вечно доставалось от доктора Джонсона, который был не в пример остроумней и язвительней. Но однажды отличился и Голдсмит. Разговор зашел о баснях. Голдсмит заметил, что берется написать хорошую басню, ибо дело это несложное, нужно только, чтобы звери говорили каждый «на своем языке», что, впрочем, баснописцам удается не часто.

— Взять, к примеру, басню о рыбах, — продолжал Голдсмит, — которые, позавидовав крылатым, попросили Юпитера обратить их в птиц. — Тут, заметив, что Джонсон еле сдерживается от смеха, Голдсмит прервал свою тираду и обратился к приятелю со следующими словами: — Это, между прочим, не так просто, как кажется. Если бы случилось изобразить рыб вам, доктор Джонсон, они бы больше смахивали на китов.

Ричард Бринсли Шеридан. Шеридан не только не обиделся, но остался очень доволен, когда один из членов труппы припомнил слова критика Мери, сказанные им на премьере «Школы злословия» в конце второго акта: «Хватит действующим лицам болтать! Пора начинать пьесу!»

Однажды вечером, когда в Друри-Лейн шла «Школа злословия», театру оказали честь своим посещением его

и ее величества. Садясь после спектакля в карету, король сказал провожавшему его Шеридану:

— «Школа злословия» мне очень нравится, но «Соперников» я, признаться, люблю больше. Могу их смотреть бесконечно.

— Когда же, мистер Шеридан, мы увидим ваш очередной шедевр? — в свою очередь, поинтересовалась у драматурга королева, на что Шеридан ответил, что пишет комедию, которую в самом скором времени собирается закончить.

На следующий день, гуляя с ним по Пикадилли, я спросил, сказал ли он королеве, что пишет пьесу. Шеридан ответил утвердительно.

— А по-моему, — сказал я, — вы уже больше ничего не напишете. Вы ведь боитесь.

— Кого же я боюсь? — спросил Шеридан.

— Автора «Школы злословия», — ответил я.

Кольридж, не без влияния Шеридана, в один прекрасный день сочинил трагедию, играть которую решили в Друри-Лейн. На читке пьесы присутствовал и Шеридан, который остроумной шуткой чуть было не испортил все дело. Действие одной из сцен происходило в пещере, со стен которой сочилась вода. Монолог одного из героев, укrywшегося в пещере, начинался — очевидно, не случайно — со слов: «Воды, воды!» На этом месте Шеридан не выдержал и воскликнул:

— Какая несправедливость! Герои трагедии мучаются жаждой, между тем как сама трагедия — одна сплошная вода!

Роберт Бёрнс. Рассказывают, что Бёрнс любил демонстрировать искусство пахаря. Как-то он поспорил с одним крестьянином, кто больше вспашет. Бёрнсу взять верх не удалось.

— Вот видишь, Роберт, — сказал крестьянин, — у меня получается ничуть не хуже.

— Слов нет, — отвечал Бёрнс, — пашешь ты отменно, но кое в чем ты все-таки уступил мне. За это время я сочинил два стихотворения!

Уильям Вордсворт. Однажды, гуляя по Пэлл-Мэлл, мы с Вордсвортом вошли в антикварную лавку «Кристис», где висела очень хорошая копия «Преображения», которую он раскритиковал в пух и прах. В углу стояла скульптура целующихся Купидона и Психеи. Повернувшись спиной к «Преображению», Вордсворт с выражением лица, которое я никогда не забуду, покосился на Купидона и Психею и процедил: «Вот черти!»

Когда кто-то заметил, что следующим романом Скотта будет «Роб Рой», Вордсворт снял с полки свой том «Баллад», прочел вслух «Могилу Роб Роя», а затем, поставив том обратно, заметил:

— По-моему, к уже сказанному мистеру Скотту добавить больше нечего.

Один мелкий банковский служащий пытался убедить своего собеседника, будто большую часть стихов Вордсворт написал в темноте. «Вам, наверно, не верится, однако это чистая правда — он сам мне рассказывал. Обычно